УДК 947.084

# ТОВАРНО-РЫНОЧНАЯ МОДЕЛЬ СОВЕТСКОЙ ЭКОНОМИКИ И ЕЕ СТОРОННИКИ В 1920-е гг.: НЕ УСВОЕННЫЕ УРОКИ

Н.А. Грик

Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники
E-mail: grik_na@mail.ru

*Рассмотрены основные достижения российских ученых экономистов в 1920-е гг. в области взаимодействия государства и рынка. Показано значение этого исторического опыта для современной российской экономической политики.*

За последние пятнадцать лет в России произошел институциональный слом тоталитаризма, который застал общество неподготовленным, что в свою очередь отрицательно отразилось на практике реформирования. Так, в хозяйственной сфере не удалось перейти к смешанной рыночной экономике, основанной на эффективных механизмах конкуренции. Наоборот, в последние годы наблюдаются тенденции усиления малоэффективного вмешательства государства в экономику, соединение политической и экономической властей, рынок по-прежнему во многом остается монополистическим и бюрократическим. Пока не удается создать условия для проявления творческой личности, игнорируются нужды народа, слабо используются выводы и предложения отечественной экономической науки. Все это является препятствием для продуктивных реформ.

Однако это далеко не ново для российской истории. Схожая ситуация наблюдалась в 1920-е гг. Тогда, в условиях нэпа, государство, допустив рынок, частный капитал, вместе с тем постоянно наращивало свое вмешательство в экономику, что порождало новые серьезные проблемы. Экономисты в те годы сумели разработать и предложить ряд интересных вариантов разрешения противоречий, существовавших в советском народном хозяйстве, но власть, уверовавшая в истинность своей доктрины, игнорировала их идеи.

Применительно к России начала XXI в. можно говорить о социально-политической цикличности

ее истории. Современная российская власть сильна как и в 1920-е гг. Она хорошо «подпитана» нефтедолларами и поддержкой населения особенно не озабочена [1]. Однако уровень и состояние экономической политики государства, на наш взгляд, требует более взвешенного отношения к историческим урокам. Обращение к историческому опыту нэповских преобразований остается актуальным и находится в русле возрождения исторической памяти и соединения распавшейся связи времен.

Период 1920-х гг. многие называют «золотым веком» экономической мысли в СССР. В это время проходила интенсивная эволюция экономической науки и только к концу 1920-х гг. она иссякает. Господство ортодоксального марксизма тогда еще не исключало альтернативных течений. Существовали направления не марксистской мысли, чьи представители (Н.Д. Кондратьев, Л.Н. Юровский, А.В. Чаянов, Н.П. Макаров, К.Ф. Шмелев, П.П. Гензель и др.) добились серьезных результатов в науке и новой хозяйственной практике [2. С. 360]. У многих из них был опыт практической работы до революции. Поэтому в условиях нэпа они были востребованы. Об этом свидетельствуют многочисленные опубликованные работы, материалы, отложившиеся в архивах Госплана, Наркомфина, ВСНХ, Наркомзема и других учреждениях, где им приходилось трудиться.

Советская историография использовала эти источники, но выборочно и односторонне, рассматривая их чаще всего сугубо негативно в качестве доказательства заблуждений «буржуазных специалистов», их «некомпетентности» в вопросах новой социалистической экономики. Поэтому ничего удивительного, что советская историография утратила многие открытия и достижения 1920-х гг. Ситуация стала меняться в отечественной историографии только в 1990-е гг. [3]. Современное обновление исторического знания и обращение к 1920-м гг. закономерно: это было время поиска новых идей и подходов, кстати, предвосхитивших многие изыскания в Западной Европе.

Большое значение в начале новой экономической политики имела позиция не марксистских экономистов в дискуссиях о перспективах товарно-денежных отношений в советском народном хозяйстве. Они доказывали неизбежность сохранения денег и цен в будущем советском обществе. Позже эта дискуссия была продолжена в русле объяснения причин сохранения товарно-денежных отношений в процессе обобществления советского хозяйства. В начале 1920-х гг. своими аргументами они сдерживали ортодоксальных сторонников марксистской доктрины в их стремлении сдать в архив товарно-денежные отношения.

В нэповской экономике одним из центральных вопросов оставался вопрос о регуляторах и роли закона стоимости в советском хозяйстве. Одним из наиболее последовательных сторонников товарного характера советского хозяйства был профессор Л.Н. Юровский. Он в отличие от Н.И. Бухарина, признавал реальность «первоначального социалистического накопления» (Е.А. Преображенский) [4], поскольку государственная промышленность не могла обойтись без привлечения средств из других секторов народного хозяйства. Вместе с тем, ученый указывал на искусственный характер противопоставления «первоначального социалистического накопления» закону стоимости и доказывал наличие единого регулятора – закона стоимости. Советская хозяйственная система рассматривалась им как особая система товарного хозяйства, где «нормальные плановые элементы нашего хозяйства не ликвидируют товарного хозяйства и не вытесняют его» [5. С. 14, 17]. Он видел преимущества советского хозяйства в возможности с помощью плана, государственного регулирования дольше сдерживать напор разрушительных стихийных сил, стремящихся подорвать систему хозяйственного равновесия [5. С. 5; 6. С. 48]. Ученый одним из первых поставил вопрос о возможности складывания товарно-социалистической формы хозяйствования как новой стадии товарно-денежных отношений, где закон стоимости не вытеснялся советской монополией, а лишь приводил к другим результатам, поскольку государству-монополисту во всех случаях придется учитывать спрос и предложение, чтобы добиться хозяйственного равновесия. Конечно, предупреждал в 1926 г. экономист, государство может пойти против закона стоимости, но рынок заставит возвратиться к соблюдению закона ценностных закономерностей либо придется вернуться к военно-коммунистическим порядкам [5. С. 18, 19]. Выявленные Л.Н. Юровским перспективы советского хозяйства были подтверждены всей историей социалистической экономики СССР.

Значительный опыт был накоплен в первой половине 1920-х гг. в восстановлении финансово-кредитной системы. Тогдашний нарком финансов Г.Я. Сокольников во многом способствовал созданию творческой атмосферы в наркомате, в недрах которого активно функционировал научно-исследовательский институт. Этому благоприятствовало и его позиция по защите червонной валюты, которая логично преломлялась в заинтересованность в экономическом развитии на базе рыночного равновесия. Г.Я. Сокольников убеждал партийную верхушку отказаться от жесткого административного вмешательства в экономику, от амбициозных индустриальных программ. Он также являлся противником чрезмерного увлечения планами, которые зачастую связывали свободу маневрирования на рынке, настаивал на плане-прогнозе, а не на плане-директиве [7].

Ученые, работавшие в Наркомфине, предлагали направления и формы укрепления финансово-кредитной системы опираясь на использование рыночных законов. Так, известные специалисты С.В. Воронин и С.Г. Чалхушьян в конце 1925 г., полемизируя со статьей С.Г. Струмилина «В защиту Кон-

трольных цифр Госплана», обосновано указывали на необходимость поддержания «здорового» денежного обращения, подчеркивали допустимость усиления кредитных операций лишь в той мере, в какой они не подрывали покупательной силы рубля. Намеченную Госпланом эмиссию рассматривали как меру, ведущую к понижению покупательной силы червонца [8. С. 107, 129]. Важно подчеркнуть, что многих специалистов волновало не только падение мощи отечественных денег, сколько отсутствие сложившегося механизма нормального функционирования финансовой системы.

Сотрудник Института экономических исследований НКФ СССР профессор А.А. Соколов рассматривал существовавшую кредитную систему, как систему единого банка полуизолированной страны, что позволяло Госбанку возможность держать учетный процент на искусственно низком уровне и приводило к отступлению от принципа рентабельности [9. С. 56, 61].

Подобные выводы подтверждались хозяйственной практикой, когда все чаще и во все больших масштабах поддерживали банковским кредитом неплатежеспособные государственные предприятия, обосновывая это государственными интересами. Принцип коммерческой рентабельности все чаще отодвигался на задний план, вексель терял свой характер наиболее надежного кредитного документа, поскольку взыскание по векселю в случае его неоплаты было трудно осуществимым.

Позиция А.А. Соколова была достаточно распространенной среди специалистов. Так, в середине 1926 г. другой сотрудник Наркомфина, Я. Куперман, принимая плановое регулирование кредитной системы, настаивал на необходимости соответствия учетного процента соотношению спроса на денежные средства с их предложением [10. С. 6, 7, 12]. По мнению многих ученых наиболее уязвимым местом финансовой системы страны было отсутствие механизма контроля за равновесием хозяйственной системы. Учетный процент, не являясь идеальным инструментом, в то же время лучше всего соответствовал потребностям хозяйственного благополучия. Большевики же упорно пытались заменить его «плановыми началами». Однако уже в середине 1920-х гг. стали ощущаться последствия недооценки властями роли учетного процента: отсутствие автоматического действия, некоммерческий характер, абсолютизация субъективного регулирования и т. п. Кроме того, еще более затруднительным становилось выявление размеров инфляции, определение действительного состояние денежной системы. Составление же кредитных планов по мере их распространения требовало проведение более глубокого анализа положения дел в финансовой области. Попытки Госплана исчислять денежное обращение и кредит с помощью методов динамических коэффициентов и экспертных оценок не давали возможности подсчитать общую стоимость товаров в стране и количество денег [11. С. 3]. Кстати, и сегодня эта задача трудноразрешимая, хотя на помощь пришли математика и программирование, поскольку товары имеют различную стоимость, которая находит свое выражение во всевозможных платежных средствах. Между тем часть экономистов уже в 1926 г. достаточно дружно и обосновано указывали на опасные инфляционные тенденции, видя в них одну из причин тогдашних хозяйственных затруднений [12, 13].

Типичной была позиция, которую занимал в отношении денежного обращения в середине 1920-х гг. профессор Н.Н. Шапошников. С цифрами в руках он доказывал, что с момента денежной реформы рост денежных средств обгонял рост предложения товаров. По его расчетам с апреля 1924 по осень 1925 г. стоимость продукции государственной промышленности увеличилась на 100 %, количество отправленных грузов – на 50 %, средняя суточная погрузка – на 40 %, а денежное обращение – на 200 %. Между тем, движение общественных индексов никакого серьезного изменения цен не обнаруживало, поскольку они в значительной степени включали устанавливаемые государством цены, т. е. такие цены, которые не соответствовали условиям рынка [14. С. 198]. С другой позиции, но к таким же выводам приходил известный специалист в финансовой науке профессор М.Н. Соболев, подчеркивавший влияние напора хозяйственных организаций, являвшимися противниками малейшего сокращения денежной массы. Поэтому он настаивал на том, чтобы эмиссионный банк был достаточно свободным и твердым в деле маневрирования денежной массой. Ученый обоснованно подчеркивал, что кредитная инфляция есть искусственное стимулирование промышленности, не соответствующая реальным ресурсам страны, и предлагал произвести денежную рестрикцию [15. С. 21, 22].

Нарастание опасных тенденций в финансах страны подтверждал стремительный рост государственного бюджета, который превращался в основной источник по расширению основного капитала государственной промышленности. Бюджет неоправданно разбухал и подрывал нормальное функционирование финансовой системы. Известный специалист в области бюджета, П.В. Микеладзе, с тревогой отмечал интенсивный рост бюджетных изъятий из народного дохода. Ведь по проекту бюджета 1928/29 г. объем перераспределения (в процентах к национальному доходу) возрастал с 21 до 25 % (в 1913 г. он составлял 13,9 %), а податной доход с 13,3 до 14,2 %. Экономист подчеркивал, что уже в 1927/28 г. достигнутый процент налогового изъятия являлся предельным [16. С. 7]. Косвенно подтверждали серьезное перенапряжение всей финансовой системы и исследования тяжести обложения налогами в СССР, проведенное профессорами П.П. Гензелем, П.В. Микеладзе, В.Н. Строгим и К.Ф. Шмелевым. Они выполнили чрезвычайно сложное и оригинальное исследование, даже с точ-

ки зрения современного состояния экономической науки. Их выводы свидетельствовали об исключительно высоком налоговом обложении населения страны [17. С. 182, 183]. То, что указанная работа отразила во многом истинное положение дел в кредитно-финансовой системе, свидетельствовал факт грубой, разносной и необоснованной критики ее спустя более года после выхода в свет с так называемых «классовых позиций» [18].

В то же время вместо ужесточения финансовой дисциплины наблюдались противоположные явления. Весной 1928 г. это признал заместитель наркома финансов С. Кузнецов [19. С. 15]. Руководитель бюджетной секции Госплана профессор М.И. Боголепов в конце 1928 г. указывал на необходимость безусловного выполнения, заложенных в планах показателей снижения себестоимости промышленного производства. [20. С. 25]. Однако промышленность на протяжении всего рассматриваемого периода не справлялась с установленными планами снижения себестоимости [21]. Это признавали все председатели ВСНХ: Ф.Э. Дзержинский, В.В. Куйбышев, Г.К. Орджоникидзе, но в планы упорно продолжали закладывать завышенное снижение себестоимости продукции. Вообще многие данные 1920-х гг. свидетельствовали о преимуществах дореволюционного развития: как обобщающие показатели – национальный доход в расчете на душу населения, уровень жизни сельского населения, его потребление, так и конкретные цифры – по урожайности, товарности, объемам экспорта хлеба и сырья. Довоенный золотой рубль был значительно дороже червонного рубля образца 1927 г. [22].

Действительно, развитие советской экономики упиралось в проблему накопления капитала для модернизации промышленности. Партийные вожди пытались ускорить этот процесс за счет усиления изъятия средств из деревни, перехода к планированию развития народного хозяйства. Однако еще в конце 1925 г. Н.Д. Кондратьев, используя цифры Госплана, предупреждал, что одного лозунга о необходимости более быстрых темпов развития промышленности недостаточно, что далеко не всякий рост индустрии возможен без расстройства рынка и валюты [23. С. 66]. Позже, в разгар дискуссии по пятилетнему плану в 1927 г., он, опираясь на цифры госплановского проекта пятилетки, доказывал необоснованность размеров накопления, показывал пагубность запроектированных темпов развертывания промышленности для деревни [24. С. 103]. С ним были солидарны многие беспартийные экономисты, которые предлагали конкретно анализировать факторы, влиявшие на перспективы хозяйственного роста, настаивали на серьезной переработке концепции пятилетки [25, 26]. Оппоненты ученых во многом уповали на «коллективную волю производителей», которую и должен был мобилизовать план, апеллировали к «великим возможностям» социалистической экономики [27].

За несколько недель до введения И.В. Сталиным чрезвычайных методов хлебозаготовок 1928 г. ведущий сотрудник Конъюнктурного института, Альб.Л. Вайнштейн дал точную оценку политике советского руководства по реконструкции народного хозяйства: «По существу, вплоть до 1926/27 г. наши капитальные вложения осуществлялись отчасти за счет ухудшения нашей валюты, медленного сползания покупательной силы рубля, что означало обесценивание доходов и сбережений населения. С другой стороны, стремление не допустить повышения цен не может быть осуществлено, поскольку при этих условиях в народном хозяйстве нет для этого достаточных предпосылок» [28. С. 15].

Однако партийное руководство по-прежнему продолжало бороться с ослаблением червонца административным снижением цен. Между тем к середине 1927 г. негативная ситуация в кредитно-финансовом секторе народного хозяйства стала явно перерастать в экономический кризис. Со стороны ученых не марксистов заметно усилился критический тон экономических прогнозов. Так, в подготовленной для руководства НКФ СССР служебной записке профессоров А.А. Соколова и К.Ф. Шмелева прямо и обоснованно указывалось, что директива правительства о снижении цен с 1 января по 1 июня 1927 г. оказалась невыполненной (в отличие от оценки наркома торговли А.И. Микояна). Они подчеркивали, что рост производства и развитие производительных сил на основе щедрой эмиссии и кредитной экспансии никак не могут привести к понижению цен. Они предлагали правительству на несколько лет установить динамику превышения роста товарооборота в его натуральном выражении над кредитом и денежной массой. Служебная записка содержала призыв к властям помнить о роли спроса в современном ценообразовании и не возлагать надежд на прямое декретирование снижения цен [29].

В 1928–1929 гг. экономисты пытались убедить власти в необходимости реформирования, но не уничтожения и демонтажа кредитно-денежной системы нэпа. Одним из таких специалистов был Ф.Д. Лившиц, который признавал кризис вексельного обращения, но в то же время предлагал конкретные меры разрешения назревших проблем. Он считал, что рабское следование трафаретным понятиям и обычным приемам и неумение облечь существо новых неизвестных экономических отношений порождали экономическое извращение векселя. Вместе с этим экономист полагал, что вексель и в СССР должен был оставаться основным и самым распространенным видом кредитных («торговых») денег. Он настаивал на сохранении «вексельной дисциплины» в советском хозяйстве [30. С. 48, 49, 51]. Большинство экономистов в целом разделяли и поддерживали предложения Ф.Д. Лившица. Самое любопытное заключалось в том, что вексель отнюдь не противоречил плановому началу советского хозяйства. Наоборот, он упорядочивал, дисциплинировал, вносил строгость и

точность в расчеты там, где никакой план или внутренняя дисциплина не в силах были заменить собой вексельную дисциплину. Конечно, все это предполагало сохранение товарно-денежных отношений и учет законов рынка.

В этом отношении показательна записка Л.Н. Юровского А.И. Рыкову «О нашем финансовом положении» от 27 октября 1928 г. [31]. Она не была известна широкой общественности и осела в секретном отделе совнаркома. Но, судя по пометкам, адресат ее прочитал. В отличие от публичных статей Л.Н. Юровский в записке беспощаден. Вот его аргументы. По линии финансовой политики последние 4 года были неблагополучны. Сальдо баланса внешней торговли – отрицательное. Из 16 кварталов только 4 были завершены с плюсом. Валютные и золотые резервы сократились на 247,3 млн р. или на 76 %. Он обращал внимание А.И. Рыкова на существующую «вреднейшую и опаснейшую тенденцию изолировать вопросы валютной политики от остальных вопросов денежного обращения под предлогом, что в СССР установилось бумажно-денежное обращение, что червонец обращается только внутри страны» [31. Л. 4]. Эта точка зрения, по мнению Л.Н. Юровского, была глубоко ошибочной. Выкладки ученого были бесспорны. Так, при увеличении товарной массы по ценам потребителя в 1925/26 г. на 29,6 %, денежная масса возросла на 53,8 %, давая прирост почти в два раза выше роста товаров. В 1926–1928 гг. отмеченная тенденция сохранилась: с весны 1927 по октябрь 1928 г. денежная масса выросла еще на 53,5 %. Никакие показатели народного хозяйства не могли угнаться за таким ростом денежного обращения [31. Л. 5]. Возможно, что эта записка дала председателю совнаркома СССР дополнительные аргументы, которые он вместе с Н.И. Бухариным и М.П. Томским осенью 1928 г. и весной 1929 г. использовал, пытаясь противостоять позиции И.В. Сталина и его сторонников, взявших курс на форсированную индустриализацию.

Важно подчеркнуть, что расчеты Л.Н. Юровского подкреплялись тогдашней хозяйственной ситуацией. В конце 1927/28 г. наблюдалось широкое распространение практики, при которой хозяйственные организации умышленно сокращали свою оборотную наличность, учитывая легкость получения кредитов в банке. При составлении годовых и квартальных хозяйственных планов банковский кредит стали рассматривать, как источник покрытия дефицита оборотных средств. Размеры эмиссии уже определялись потребностями хозяйственных предприятий в наличных средствах, причем учет состояния товарно-денежного рынка и потребности товарооборота в денежных знаках приобретал второстепенное значение при определении суммы эмиссии [32].

Не все формулировки и выводы беспартийных экономистов безупречны. Порой удивляет некоторый романтизм в отношении возможной эволюции советской системы хозяйствования, идеализация новой экономической политики советской власти. Вместе с тем их выводы получили подтверждение уже в начале 1930-х гг. в ходе финансово-кредитной реформы, которая во многом осуществлялась в рамках «строгого планового хозяйства» и отменила, в частности, коммерческий кредит и вексель. На долгие десятилетия валютная политика была отделена от внутреннего денежного обращения.

История советской экономики подтвердила во многом правоту экономистов 1920-х гг. Советские пятилетние планы в своем большинстве чаще закладывали перенапряжение народного хозяйства, что усиливало его разбалансировку и дезорганизацию, отнимало у населения стимулы к высокопроизводительному труду. Аналогичны в этом уроки и в отношении кредитной и бюджетной политики. Исторические уроки нэпа остаются актуальными и для современных властей России. Они напоминают об опасностях, подстерегающих политику увлечения наращиванием доли государства в ведущих секторах народного хозяйства, ущемления и ограничения частного капитала, которые приводят к устойчивому падению эффективности отечественной экономики. Опыт нэпа напоминает политикам о необходимости перманентно учиться прислушиваться к мнению ученых.

**СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ**

1. Розов Н.С. Цикличность российской политической истории как болезнь: возможно ли выздоровление? // Полис. – 2006. – № 3. – С. 8–28.
2. История экономических учений / Под ред. А.Г. Худокормова. Ч. II. – М.: Изд-во МГУ, 1994. – 416 с.
3. Орлов И.Б. Новая экономическая политика: история, опыт, проблемы. – М.: [б.и.], 1999. – 193 с.
4. Преображенский Е.А. Новая экономика. Опыт теоретического анализа советского хозяйства. Т. 1. Ч. 1. 2-е изд-е. – М.: Изд-во Коммунистической академии, 1926. – 336 с.
5. Юровский Л. К проблеме плана и равновесия советской хозяйственной системы // Вестник финансов. – 1926. – № 12. – С. 3–13.
6. Юровский Л.Н. Наше хозяйственное положение и задачи экономической политики. – М.: Финансовое изд-во НКФ СССР, 1926. – 51 с.
7. Сокольников Г.Я. Осенние «заминки» и проблемы хозяйственного развертывания // Вестник финансов. – 1925. – № 11-12. – С. 3–15.
8. Воронин С.В., Чалхушьян С.Г. Перспективы денежного обращения и кредита в 1925/26 году и контрольные цифры Госплана Союза // Вестник финансов. – 1925. – № 11–12. – С. 107–129.
9. Соколов А.А. Учетный процент, как регулятор товарных цен // Вестник финансов. – 1926. – № 1. – С. 21–67.
10. Куперман Я. Проблема регулирования современной банковской системы СССР // Вестник финансов. – 1926. – № 5–6. – С. 6–14.
11. Чалхушьян С.Г. Перспективы денежного обращения и кредита в 1926/27 г. (Контрольные цифры Госплана) // Вестник финансов. – 1926. – № 9. – С. 105–129.
12. Первушин А.С. Основные явления в области народного хозяйства СССР в первом квартале 1926/27 г. в связи с основными явлениями 1925/26 г. // Экономическое обозрение. – 1927. – № 2. – С. 5–26.

13. Юровский Л. Н. Современные проблемы денежной политики. – М.: Финансовое изд-во НКФ СССР, 1926. – 192 с.
14. Шапошников Н.Н. Денежное обращение и осенние сдвиги цен. Доклад в институте экономических исследований НКФ // Вестник финансов. – 1926. – № 1. – С. 198–200.
15. Соболев М.Н. О паритете червонца с иностранной валютой // Вестник финансов. – 1926. – № 5–6. – С. 20–22.
16. Микеладзе П. Бюджет 1928/29 г. как орудие перераспределения народного дохода // Вестник финансов. – 1928. – № 12. – С. 3–12.
17. Налоговое бремя в СССР и иностранных государствах: Очерки по теории и методологии вопроса. Составители П.П. Гензель, П.В. Микеладзе, В.Н. Строгий, К.Ф. Шмелев. – М.: Финансовое изд-во НКФ СССР, 1928. – 187 с.
18. Соколов Алексей. К вопросу о реконструкции налоговой системы // Вестник финансов. – 1929. – № 9. – С. 47–57.
19. Кузнецов С. На бюджетные темы // Экономическое обозрение. – 1928. – № 4. – С. 13–24.
20. Боголепов М.И. Бюджетный план // Экономическое обозрение. – 1928. – № 11. – С. 60–72.
21. Метлянский Ю. О критериях эффективности капитального строительства // Экономическое обозрение. – 1928. – № 10. – С. 100–109.
22. Бруцкус Б. Народное хозяйство Советской России, его природа и его судьба // Вопросы экономики. – 1991. – № 10. – С. 137–160.
23. Кондратьев Н.Д. Современное состояние народнохозяйственной конъюнктуры в свете взаимоотношений индустрии и сельского хозяйства // Социалистическое хозяйство. – 1925. – Кн. VI. – С. 40–66.
24. Кондратьев Н.Д. Критические заметки о плане развития народного хозяйства (Плановое хозяйство. 1927. – № 4) // Каким быть плану: дискуссии 20-х годов: Статьи и современный комментарий. – Л.: Лениздат, 1989. – С. 95–135.
25. Челинцев А.Н. К вопросу о методах и принципах составления перспективных планов по сельскому хозяйству // Пути сельского хозяйства. – 1927. – № 2. – С. 45–82.
26. Дезен А.А. Промышленность и кредит // Промышленность и народное хозяйство. Сб. статей. – М.: Экономическая газета, 1927. – С. 361–378.
27. Струмилин С.Г. Индустриализация СССР и эпигоны народничества. – М.: Госиздат, 1927. – 91 с.
28. Вайнштейн Альб. Л. Итоги и основные процессы народного хозяйства СССР в 1926/27 хозяйственном году // Экономический бюллетень Конъюнктурного института. – 1927. – № 11–12. – С. 8–15.
29. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 7733. Оп. 1. Д. 7036. Л. 185, 188, 196, 204.
30. Лившиц Ф.Д. Проблема советского векселя // Вестник финансов. – 1929. – № 6. – С. 47–64.
31. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 5446. Оп. 17. Д. 113. Л. 3-5.
32. РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 6. Д. 349. Л. 9.